

У старика Чэня было двое сыновей и дочь.

Старшего звали Чэнь Айго, младшего — Чэнь Цзяньшэнь. Цзяньшэнь был женат уже много лет, но из-за проблем со здоровьем у жены детей у них так и не появилось. Позже, когда старик Чэнь привез домой близнецов Чэнь Цяочжэнь, это стало для них подобно долгожданному дождю после засухи — как раз то, о чем они мечтали. Короче говоря, супруги быстро приняли близнецов и действительно относились к ним как к родным.

Поэтому, когда Сяо У пропал, сильнее всего это ударило именно по семье Цзяньшэня. Особенно по его жене Юй Сюлань, приемной матери мальчиков. Она настолько извела себя чувством вины и горем, что едва не бросилась в речку перед деревней.

Потеря ребенка — это, безусловно, невыносимая боль. Но Линь Сань, отец, который не воспитывал сына ни дня, действительно не имел права их упрекать.

Он тяжело вздохнул и со сложным чувством посмотрел на своего третьего сына, Линь Вэня.

— Сколько тебе лет? В школу уже ходишь? Знаешь, кто я такой?

Мальчик прятался за спиной деда, боязливо высунув лишь макушку. Линь Сань решил прибегнуть к проверенному методу «подкупа»: достал из своей кожаной сумки конфеты, шоколад и игрушки, купленные для обоих детей. Ребенок есть ребенок — увидев такие сокровища, он явно обрадовался, и его настороженность по отношению к Линь Саню начала таять.

На самом деле, люди в семье Чэнь были очень порядочными. Они ничего не скрывали от ребенка, поэтому Линь Вэнь всегда знал: его мама умерла, а папа по определенным причинам не может его растить. Но Линь Вэнь не чувствовал себя обделенным или несчастным, потому что дядя и тетя (дядя по матери и его жена) относились к нему просто замечательно. В сердце Линь Вэня именно они были его настоящими родителями.

С этой точки зрения Линь Вэню повезло куда больше, чем Ван Яо.

Поиграв с ребенком какое-то время, они вернулись к главному вопросу. Старик Чэнь спросил в лоб:

— Ты приехал, чтобы забрать мальчика?

Линь Сань сначала кивнул:

— Да, я действительно так планировал...

— Нет! Я не поеду! — вдруг выкрикнул Линь Вэнь, бросив резинового динозавра, с которым только что возился. На его пухлом детском личике отразился неподдельный ужас и протест. Тонким голоском он закричал: — Я хочу жить с папой, мамой и дедушкой!

Линь Сань на мгновение замолчал, а затем сказал старику:

— Могу я подумать об этом еще пару дней?

Старик Чэнь, разумеется, согласился. Больше всего он боялся, что Линь Сань, не считаясь ни с чем, заберет ребенка прямо сейчас.

Новость о том, что приехал отец Сяо Вэня, мгновенно разлетелась по деревне — от первого

дома до последнего. Всем не терпелось воочию увидеть, что за мужика в свое время отхватила себе в мужа Цяочжэнь, бывшая «красавица деревни».

И они увидели. Чертовски хорош собой!

Лицо как у гонконгских звезд из телевизора, одет в явно дорогое коричневое шерстяное пальто и сверкающие черные кожаные туфли. Вот они какие, городские мужики — глаз не оторвать! К такому типу многие девчата сами бы в жены напросились, даже без всякого выкупа за невесту.

Линь Сань и не подозревал, какой фурор произвел в деревне. Все эти дни он не только налаживал контакт с сыном, но и внимательно наблюдал за всем вокруг. В конце концов, нельзя верить только словам — нужно всё увидеть своими глазами. И результаты наблюдений его не разочаровали: супруги Чэнь Цзяньшэнь действительно души не чаяли в Линь Вэне.

К примеру, комната Линь Вэня была самой солнечной и светлой в доме. Хоть и небольшая, она была идеально чистой, там стояли письменный стол и стул для занятий, а постельные принадлежности были новыми и мягкими. Линь Сань даже посмотрел семейный фотоальбом: фотографий было немного, но каждый год они обязательно фотографировали Линь Вэня. В альбоме была запечатлена вся его жизнь — от крохотного младенца до нынешнего крепкого мальчишки.

Но важнее всего был сам ребенок. Линь Вэнь рос здоровым и крепким парнем, по характеру был немного застенчив, но сразу чувствовалось воспитание. Когда ему что-то дарили, он подсознательно смотрел на взрослых, и только получив одобряющий кивок, брал вещь, при этом обязательно говорил «спасибо». По утрам он вежливо здоровался, уходя — прощался, за столом вел себя прилично, а играл тихо, никогда не хулиганя и не мешая взрослым.

Помимо этого, Линь Сань пообщался с деревенским старостой и простыми жителями. Все в один голос твердили, что семья Чэнь Шуйню — люди честные, работающие и очень совестливые.

— В позапрошлом году дорогу в деревне строили, нужно было кусок их огорода занять. Цзяньшэнь слова против не сказал, сразу согласился. И ни копейки компенсации с деревни не потребовал.

— У Юй Сюлань со здоровьем беда, детей родить не может. В другой семье её бы давно выставили, а Цзяньшэнь сказал, что ему всё равно. Живут душа в душу все эти годы.

Добрые, милосердные, порядочные.

Именно такое впечатление Чэнь Цзяньшэнь и его семья оставили у большинства односельчан.

Один человек может солгать, но не все же разом. Постепенно Линь Сань принял окончательное решение.

В тот день он сам собрал всю семью Чэнь вместе. Было видно, что они очень нервничают.

— Все эти годы вы бескорыстно растили Сяо Вэня. Я, как отец, бесконечно вам благодарен.

Эти слова шли от самого сердца. Как ни крути, они не дали его сыну стать сиротой и относились к нему так хорошо — для родственников это был поступок, достойный высшего уважения.

Чэнь Цзяньшэнь, услышав это, затараторил в ответ:

— Это наш долг, мы должны были... И еще... случай с Сяо У... это наша вина перед тобой.

Ребенок пропал, и теперь никто не знал, где он, жив он или мертв. Поэтому, даже воспитывая Сяо Вэня, ни Цзяньшэнь, ни Юй Сюлань не смели приписывать себе заслуги, а лишь жили с чувством глубокой вины. К сожалению, за столько лет поисков вестей о мальчике так и не поступило, что стало незаживающей раной для супругов.

Линь Сань:

— Не будем об этом. Давайте обсудим, как Сяо Вэнь будет жить дальше?

Было заметно невооруженным глазом, как супруги напряглись. Они были очень добрыми людьми: если бы Линь Сань настоял на том, чтобы забрать ребенка, им пришлось бы его отпустить.

Однако...

— Пусть Сяо Вэнь пока живет с вами. Я буду присылать деньги на его содержание. Когда он подрастет, пойдет в среднюю или старшую школу — если будет возможность и он сам захочет, я заберу его в Жунчэн. Всё-таки условия для образования там гораздо лучше.

Супруги, почти не раздумывая, тут же согласно закивали. Особенно Юй Сюлань — эта щуплая, болезненного вида женщина так разволновалась, что закрыла рот руками, а из глаз градом покатались слезы.

Глядя на это, Линь Сань и сам почувствовал комок в горле.

Жизнь — штука запутанная, сложно сказать, кто перед кем в окончательном долгу. То, что они потеряли ребенка — огромная ошибка, но ведь и смерть Чэнь Цяочжэнь на операционном столе от кровотечения, если рассуждать честно, была на совести оригинала.

Кто кому задолжал больше — уже не разобрать.

Так или иначе, ребенок временно «остался», что несказанно обрадовало чету Цзяньшэнь. В тот день этот тихий мужик развернулся с размахом, достойным Нового года: купил мяса, вина и накрыл целых два стола. И именно сегодня из города приехали старший сын семьи Чэнь — Чэнь Айго с женой.

В отличие от своего простоватого младшего брата, Чэнь Айго выглядел мужчиной весьма пронырливым. Во всем Сямагоу он считался самым успешным из молодежи — поговаривали, что сейчас он работает директором средней школы в городке. Его жену звали Минь Хунли. Это была женщина с высокими скулами, тонкими губами и, судя по всему, весьма скверным характером.

На банкете собралось немало односельчан, атмосфера обещала быть душевной. Однако эта самая Минь Хунли, непонятно чем руководствуясь, улучила момент, отвела Линь Саня в сторонку и втихую нашептала ему вот что...

— Они ведь тебе наплели, что Сяо У потерялся случайно? — женщина выдала крайне язвительную ухмылку. — Слушай меня и не будь дураком: ребенка никто не терял. Они его намеренно продали.

— Продали? Кому?

— Да кто их знает. В наше время посредников хватает — они с обеих сторон деньги гребут, жируют на этом.

Минь Хунли добавила, что у младшего брата мужа вечно не было ни гроша, особенно учитывая, что Юй Сюлань постоянно сидит на лекарствах — в их доме сбережения отродясь не водились. Мол, ребенка они хотели, но одного им было за глаза, а двое — это уже обуза и лишний рот.

<http://bllate.org/book/16514/1501393>